

A young girl with curly brown hair, wearing a large straw hat and a brown jacket over a blue shirt, is sitting in a field of yellow daisies. She is smiling and reaching out her right hand towards several monarch butterflies that are fluttering around her. The background is a soft, golden light, suggesting a bright, sunny day. The overall scene is peaceful and whimsical.

Helen Busa

Иллюзия ЖИЗНИ

Helen Busa

ИЛЛЮЗИЯ ЖИЗНИ

«Автор»

2025

Busa Н.

Иллюзия жизни / Н. Busa — «Автор», 2025

Жизнь - это бесценный дар, который нужно ценить и беречь. Мы должны использовать каждый момент, чтобы сделать этот мир лучше и счастливее. Должны быть благодарными за всё, что имеем, но ведь жизнь не всегда бывает гладкой и легкой. Мы сталкиваемся с трудностями и испытаниями, которые могут повлиять на нашу психику и здоровье. В круговороте событий теряем близких и любимых нам людей, которые являлись неотъемлемой частью нас. Каждый наш шаг оставляет след в жизни других людей. Получится ли сохранить оптимизм и веру в будущее? Иллюзия жизни - это не приговор. Это сигнал о том, что пора что-то менять, пора проснуться и начать жить по-настоящему. Не позволяйте рутине и суете поглотить вас. Наполните свою жизнь смыслом, страстью и любовью. Ведь жизнь - это не просто существование, это приключение, которое стоит прожить на полную катушку.

© Busa Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Helen Busa

Иллюзия жизни

Глава 1

Меня зовут, Алёна и когда я окончу школу поступлю в театральный университет, впереди меня будет ждать 5 лет учёбы на режиссёра. Это моя детская мечта, которую я хотела бы воплотить в жизнь. Фильмы и театральные постановки – это то, что производило на меня неизгладимое впечатление. Хотелось самой освоить данную профессию и с изнаночной стороны окунуться в этот мир.

Ведь мир закулисы всегда казался мне чем-то волшебным и недостижимым. Я представляла, как режиссёры, словно кукловоды, управляют эмоциями зрителей, создают целые миры на сцене или экране. Как они подбирают актёров, работают над сценарием, выстраивают кадр, чтобы донести свою идею до публики. Это казалось невероятно сложным, но безумно интересным.

Я помню, как в детстве, после просмотра очередного фильма, я пыталась воссоздать увиденное дома. Расставляла игрушки, как актёров, придумывала им реплики, пыталась управлять светом с помощью фонарика. Конечно, получалось не очень правдоподобно, но это было мое первое погружение режиссуру.

Но моя мама не разделяла моих взглядов и восторгов, поэтому поводу, с её стороны поддержки не было. Она мне в глаза говорила, что данный вид деятельность меня не прокормит, и что я буду чьей-то подстилкой, либо в далёкой дыре с посещаемостью пять человек в год ставить спектакль про «Кота в сапогах».

Моя старшая сестра отнеслась к моему решению спокойно. Возможно, потому что сама уже училась в торговом училище, и это был выбор не её, а нашей матери. Мама всегда была властной женщиной, настоящим тираном в семье. Она подавляла всех своим авторитетом и не стеснялась высмеивать тех, чье мнение не совпадало с её собственным. Сестра, видимо, просто смирилась со своей участью и не хотела, чтобы я повторила её ошибку.

Единственным, кто мог хоть как-то уравновесить её властный характер, был отец. Он любил мать, и умел находить к ней подход, сглаживая острые углы и превращая семейные баталии в шуточные перепалки. Отец был её полной противоположностью – мягкий, уступчивый и всегда готовый прийти на помощь. Наверное, именно благодаря ему в доме сохранялась хоть какая-то атмосфера тепла и взаимопонимания.

Мать была из тех, кого называют «природной красавицей». И, что самое ценное, она умела эту красоту подчеркнуть. Легкий макияж, идеально подобранная одежда, деликатные ювелирные украшения – все работало на то, чтобы ее очарование раскрывалось в полной мере. В этом, безусловно, была заслуга нашего отца. Он никогда не скупился на неё, баловал, как мог. И дело не только в деньгах. Он умел их зарабатывать, да, но главное – он был примером трудолюбия и целеустремленности. Я не помню ни одного дня, чтобы он валялся на диване с бутылкой пива перед телевизором. К алкоголю он вообще относился с неприязнью и равнодушно. А мать любила вечеринки и почти каждые выходные устраивала праздники, с хорошим застольем, выпивкой и музыкой. Люди шли с большим удовольствием, потому что всем было интересно какую новую "цацку" она продемонстрирует, будь то изысканное украшение, дизайнерская сумочка или необычный предмет интерьера. Она была настоящей королевой вечера, и все с нетерпением ждали ее появления.

Мне было где-то 5 лет, когда эта показуха меня начала угнетать. До поздней ночи в доме люди, звучит громкая музыка, а в моей детской на постели лежит верхняя одежда гостей. Было

огромное желание спихнуть это все на пол ногой, но я понимала, что гости в этом не виноваты, их позвали на праздник вот они и пришли.

Запах чужих духов, смешанный с табачным дымом, преследовал меня потом еще долго. Этот коктейль въедался в одежду, в волосы, в самую кожу, напоминая о шумных, утомительных вечерах. Я пряталась в своей комнате, пытаюсь заглушить громкую музыку подушкой, и мечтала о тишине и покое. Именно тогда я желала, чтобы скорее наступило лето, и можно было бы поехать в гости к бабушке и дедушке на все три месяца.

Лето у бабушки и дедушки было настоящим раем для нас с сестрой. Мы бегали босиком по траве, купались в море, играли в прятки в саду и ели фрукты прямо с дерева. Это было время беззаботности и счастья, которое я буду помнить всю жизнь. Сейчас, когда я выросла, я часто вспоминаю то время и мечтаю вернуться туда хотя бы на денек. В этих воспоминаниях я черпаю силы и вдохновение, они помогают мне справляться с трудностями и двигаться вперед.

Дед был мастером на все руки. Что сломалось – он починит, что нужно собрать – он соберет. Помню, как заходила в его гараж, и сразу попадала в какой-то волшебный мир винтиков, болтиков, гаек и всевозможных инструментов. Там всегда пахло машинным маслом и железом, и было приятно прохладно, особенно после летней жары на улице. В центре гаража гордо стояла "Марфуша" – так дед ласково называл свою старенькую машину. Ближе к стене стоял мотоцикл, готовый к новым приключениям, а рядом – три велосипеда, которые дед с любовью собрал для нас с сестрой. Каждый раз, когда мы садились на них, мы чувствовали, что это не просто транспорт, а часть дедушкиного мира, наполненного заботой и вниманием к нам. Гараж был не просто местом для хранения вещей, это было царство, где дед мог творить, создавать и восстанавливать, а мы с сестрой всегда были рады стать частью его увлечений.

В период моего взросления самым дорогим человеком для меня была бабушка. И дело не только в кулинарном её мастерстве, а еще в любви и заботе ко мне. Моя мать, к сожалению, с выпечкой совсем не ладила. Она не то, что пироги печь, даже простые блины у нее превращались в настоящее испытание. То пригорят, то прилипнут намертво к сковородке – в общем, после нескольких неудачных попыток она махнула рукой и заявила, что с выпечкой у нее «не сложилось». Помню, как я мечтала о домашних пирогах и пирожках, но мать всегда говорила, что нужно подождать летних каникул. Думаю, в тот момент в ней говорила легкая зависть к своей матери, моей бабушке, которая была настоящей волшебницей на кухне. Бабушка была настоящей волшебницей на кухне, особенно когда дело касалось пирогов и пирожков. Аромат свежей выпечки с разными фруктовыми начинками, казалось, наполнял весь дом теплом и уютом. И, конечно же, она всегда звала меня помогать. Мои детские ручки не всегда справлялись с непослушным тестом, и сок из начинки предательски начинал сочиться. Но бабушка никогда не ругала. Она лишь улыбалась и говорила, что в этом нет ничего страшного. Аккуратно помогала исправить ошибку, а потом, лукаво подмигивая, добавляла: «Зато теперь ты всегда узнаешь свой пирожок среди всех остальных!» И действительно, среди ровных, аккуратных пирожков, всегда выделялся один, немного кривоватый, но такой родной и любимый. Бабушкины слова придавали уверенности и превращали маленькие неудачи в забавные воспоминания.

По воскресеньям рано утром нас будила бабуля и собирала с собой в церковь, мы шли пешком около 15 минут. На службу мы никогда не опаздывали, я помню, когда приближались к церкви, то видно как золотые купола, сияют огнем на солнце, слышны песнопения и птицы подпевают колокольному перезвону.

Стоило только пересечь границу и вступить на церковный двор, как тебя окутывала прохлада, создаваемая высокими тополями, тянущимися к небу. Сердце начинало трепетать, когда поднимался по ступеням, вдыхая густой, терпкий запах ладана. В голове прояснялось, мысли становились светлыми и легкими, и оставалась лишь одна, главная: это храм Божий.

Когда заходили в церковь, сразу попадали в тихую, умиротворяющую атмосферу. Справа, у самого входа, всегда была церковная лавка. Там, помню, бабушка первым делом покупала просвиру – этот особый, богослужебный хлеб, который потом освящают во время литургии. И обязательно свечи. Целый набор: на каждого умершего родственника, чтобы помолиться за упокой их душ, и на каждого здравствующего – чтобы Господь даровал им здоровье и благополучие.

Потом мы проходили к столу, где бабушка готовилась к службе. Она доставала свою старенькую, потрепанную молебную книжечку. На одной из страниц, исписанной её аккуратным почерком, были вписаны имена всех наших родных. Бабушка бережно клала книжечку на стол, открывая именно эту страницу, и переворачивала её корочками вверх. Делала она это для того, чтобы священнику, когда он начнет читать молитвы, не пришлось тратить время на поиски нужных имен. Все было подготовлено заранее, с любовью и заботой о каждом члене семьи. Это был её маленький, но очень важный ритуал.

Закончив молитву, она подходила к столику для пожертвований. Там стояла красивая, небесно-голубая тарелочка, наполненная монетами и купюрами – люди оставляли деньги на нужды храма.

После службы выстраивалась длинная очередь перед огромным крестом Спасителя для покаяния. Моя сестра, чтобы не томиться в ожидании, всегда умудрялась отпроситься в церковный двор. Там она и проводила большую часть времени, пока бабушка не приходила за ней, когда очередь доходила до нас. В центре внимания, конечно, был огромный крест с распятым Спасителем, а рядом лежала раскрытая Библия. Затем она направилась к иконам. Сначала, благоговейно перекрестившись, ставила свечи за упокой усопших, а потом за здоровье и благополучие живых родственников.

Само покаяние у детей занимало не более нескольких минут. Священник обычно говорил одно и то же: чтобы не сквернословили и слушались родителей. Накрывал своей мантией, крестил и все становились в другую очередь.

Воздух был наполнен запахом ладана и воска, а приглушенный свет свечей создавал ощущение таинственности. Я стояла в очереди, скрестив руки на плечах, как учили. Сердце билось учащенно. Люди подходили к Чаше, называли свои имена, и священник, произнося слова «Причащается раб божий», давал им ложечкой Причастие – крошечный кусочек хлеба, смоченного в вине.

Когда подходила моя очередь, я называла свое имя. Вкус Причастия был простым, но в тот момент мне казалось, что ничего вкуснее я в жизни не пробовала.

Наступало просветление, и я чувствовала единение с Богом, необъяснимое спокойствие и умиротворение. Церковное песнопение, которое до этого звучало фоном, вдруг становилось максимально ярким и проникновенным. Казалось, что каждый звук проникает в самую душу. Этот момент Причастия оставил неизгладимый след в памяти. Это было не просто религиозное действие, это был опыт, который изменил мое восприятие мира и оставил ощущение, что я прикоснулась к чему-то святому и вечному.

После окончания литургии у ворот, нас ожидал дедушка около нашей старенькой «Марфуши», за это время пока мы были в храме, он успевал посетить воскресный рынок и приобрести нужный товар. Мы садились в автомобиль, и дорога домой занимала не более 5 минут. Район, в котором мы жили, назывался «Первый квартал», это было уютное, обжитое место.

Мой дедушка уже, будучи на пенсии, нашел себе занятие – подрабатывал «десятковым» у квартального инспектора. Его работа заключалась в том, чтобы обходить нашу улицу и собирать плату с жильцов за использование технической воды. Он знал почти всех в лицо, и к нему относились с уважением. Но это было не просто сбор денег. Дедушка был своего рода связующим звеном между жителями и инспектором. Если у кого-то возникали проблемы – будь-то протечка, поломка или просто какая-то бытовая неурядица – он оперативно передавал инфор-

мацию инспектору. Дед был глазами и ушами квартала, и эта работа приносила ему удовлетворение, позволяя чувствовать себя нужным и полезным обществу.

Раз в месяц под вечер, он заканчивал свои «трудовые будни» связанные с огородом. Принимал душ, надевал белую рубашку и коричневые брюки, затем выбирал туфли в тон брюкам. Перед зеркалом расчесывал свои платиновые волосы и душился фирменным одеколоном «Тройной». Со своего рабочего стола брал кожаную коричневую папку, она была формата альбомного листа, на которой теснением в правом верхнем углу были выжжены цветы. Внутри нее находился блокнот, в который были вписаны номера домов и фамилии собственников. Если я не была занята по хозяйству в помощь бабушке, дед всегда приглашал меня с собою и производил такую фразу: «Пошли внучка дразнить собак». Я также приводила себя в порядок, и мы отправлялись с нашей благородной миссией на обход домов.

Большинство людей были дома и с радостью открывали нам двери. Они приветствовали нас, а меня всегда угощали конфетами. Дедушка брал с каждого дома всего один рубль за пользование водой. Каждый собственник расписывался в ведомости напротив своей фамилии, и мы отправлялись к следующему.

И так по кругу, звонок в дверь, лай сторожевой собаки, и вот на пороге уже появляются хозяева. Так, от дома к дому, проходил наш вечер. Конечно, бывали и те, кто не мог заплатить по каким-то своим причинам. А некоторые, наоборот, платили сразу за несколько месяцев вперед, проявляя свою ответственность и благодарность. Это было интересное время, которое позволило мне узнать многих жителей нашего квартала и также почувствовать себя частью чего-то важного.

После обхода всех, мы несли собранные деньги квартальному инспектору. Пока дедушка отчитывался о проделанной работе, я оставалась во дворе, увлеченно играя с игрушками. В один из таких визитов, когда они вышли на порог, инспектор сообщила, что на следующей неделе приедет ветеринара, чтобы привить всех домашних собак на нашей улице. Она попросила обойти дома и сообщить, сколько будет стоить прививка, подчеркнув, что привиться должны все собаки, проживающие по адресам.

Обратно мы шли с дедушкой через магазин, и он всегда покупал мороженое для всех. Мой любимый пломбир я съедала сразу же, прямо там на крыльце. Он казался самым вкусным и сладким на свете! Эти простые, но такие теплые моменты я храню в своей душе до сих пор.

В нашей семье всегда любили собак. За долгие годы у нас побывали и сторожевые псы, и декоративные, самых разных пород и смесей. Но первым, кто всплывает в моей памяти, когда я думаю о собаках детства, – это Тарзан.

Он был огромным, коричнево-белым псом. К нам, внукам, он всегда относился с добротой и терпением. Тарзан следил за порядком во дворе, был настоящим охранником и, как говорится, муха не пролетала мимо него. Самый верный лохматый друг.

Но время шло, и Тарзан начал стареть. Дедушка, видя, как пёс слабеет, принял непростое решение. Он не хотел, чтобы Тарзан умер у нас на глазах, чтобы мы видели его мучения. Поэтому он отвязал его от цепи и отпустил на волю, чтобы Тарзан сам выбрал, где и как закончить свой жизненный путь. Это было грустно, но мы понимали, что дедушка поступил так из любви и уважения к нашему старому другу.

Тарзан выскочил за калитку, словно его что-то подгоняло. На секунду он обернулся, окинул нас всех взглядом – меня, сестру и бабушку – и рванул в сторону перекрестка. Мы с сестрой тут же заголосили, захлебываясь слезами: «Тарзан! Тарзан, вернись!»

Он остановился, повернул голову, несколько долгих секунд смотрел на нас. А потом, словно приняв какое-то своё решение, снова сорвался с места и помчался по дороге, пока не скрылся за домами. Мы еще долго стояли, всхлипывая и надеясь, что он передумает и вернется. Но его больше не было видно. Бабушка, молча, вытерла нам слезы и повела обратно во двор. Возле будки, на земле, лежал его ошейник.

Прошло время, и в нашем доме появился новый питомец. Это был маленький пёсик с тёмной шерстью, а его лапки были словно в белых сапожках. Такой забавный и милый, что дед сразу же решил назвать его Жучком. Он быстро освоился и стал частью нашей семьи. Жучок с удовольствием играл с нами, детворой, и всегда был рядом, когда мы собирались на улице. Несмотря на свои небольшие размеры, он проявлял настоящую преданность и охранял наш дом не хуже, чем прежний сторожевой пёс. Его энергичность и игривость приносили радость в каждый наш день, а его смелость и настороженность делали нас спокойнее. С ним в нашем доме снова зазвучал смех и веселье, и мы все поняли, что он стал не просто питомцем, а настоящим другом семьи.

Помню, как бабушка попросила меня подмести двор. Наш верный дружок, как раз начал линять, и его шерсть, словно перекасти-поле, собиралась комками по всем углам. Я взяла веник и с усердием принялась за дело, особенно тщательно выметая все вокруг его будки. И вот, подметая, я заметила кое-что странное. В маленьких трещинках асфальта, словно спрятанные сокровища, лежали мелкие косточки. С каждой минутой их становилось все больше и больше, и к концу уборки у меня на ладошке уместилась целая горстка этих крошечных трофеев. И тут меня осенило! В то время по телевизору шла популярная передача «Дог-шоу» с Михаилом Ширвиндтом. Я представила, как наш любимец, участвует в этом шоу, демонстрируя свои таланты.

Я решила устроить Жучку настоящее дефиле по всему двору. Хотелось показать его грациозную походку во всей красе. В качестве награды я приготовила ему косточки, которые нашла во время уборки. Тогда я была ребенком и даже не задумывалась, что они могли быть старыми и невкусными.

Я взяла его за цепь и с гордостью повела по двору. Мы шли бок о бок, словно участвовали в настоящем показе мод, иногда мы даже переходили на легкий бег. В конце нашего маршрута мы останавливались возле его будки с плоской крышей. Я слегка подергивала цепь, и Жучок, зная команду, ловко запрыгивал наверх. Он усаживался на крыше, словно на троне, а я чувствовала себя настоящим дрессировщиком.

И тут начиналось всё самое интересное. Разжав ладонь, я брала косточку и начинала угощать Жучка. Сначала он ел их с большим аппетитом, но где-то после пятой косточки стал их понемногу выплевывать. Тогда я искренне верила, что это просто неловкость, и он случайно роняет лакомство. Сейчас, вспоминая эту ситуацию, я испытываю огромную гордость за него. Ведь он ел, выплевывал, и снова ел их, стараясь не обидеть маленького ребенка. Ни разу не рыкнул, и уж тем более не укусил или просто попытался вырваться из моих рук. Я гладила его и приговаривала, какой он хороший и как важно кушать. Затем вновь дефиле плавно перетекало в легкую пробежку, а потом он снова, словно акробат, запрыгивал на будку и с «аппетитом» грыз кости. В этот момент я отключалась от реальности и представляла, что мы находимся под прицелом камер. И мне казалось, что тысячи зрителей замороженно наблюдают за каждым нашим движением и взглядом.

Наверное, наш шум и возня привлекли внимание бабушки. Она как раз хлопотала на летней кухне, готовя обед, окна которой выходили прямо во двор. Вскоре к нам неспешно подошел дед. Видимо, бабушка отправила его на разведку.

Дедушка прищурился, разглядывая нас с Жучком, и с улыбкой спросил: «А что это вы тут делаете, такие довольные?»

Я, не растерявшись, расплылась в улыбке во все 32 зуба и выпалила: «Да вот, участвуем в передаче «Дог шоу»! У нас тут сейчас выставка собак проходит, готовимся к конкурсу, хочешь, всё покажу?»

Я уже предвкушала момент славы и как мы сейчас с Жучком сорвем овации. Мы же так усердно тренировались, что я была уверена в нашей победе. Но тут вмешался дед. Всего одна его фраза, и все мои амбиции рухнули в одно мгновение. Он невинно заметил, что я держусь

за цепь, которой Жучок иногда касается, когда бегают по двору... , а там, знаете ли, всякое бывает. Зная мою маниакальную чистоплотность, это прозвучало как приговор. В этот момент меня словно окатили ледяной водой. Цепь полетела в сторону, кости, которые я собиралась использовать как лакомство, отправились в мусорное ведро. Я пулей помчалась в душ, где долго и тщательно намыливала руки хозяйственным мылом, а заодно и всю одежду отправила в стирку. Вот так дедушкина наблюдательность и моя брезгливость спасли Жучка от участия в «Дог шоу».

В скором времени прошла неделя, и в наш дом пришла ветеринар. Она была направлена на вверенную ей улицу от квартальной с благородной миссией. На ней был белый халат, который слегка был помят, в руках она держала свою черную сумочку, из которой, казалось, можно было достать все, что угодно. Женщина выглядела опытной и уверенной в себе. Её короткая стрижка и крашенные в темный цвет волосы придавали ей строгий, но в то же время заботливый вид. На носу у неё были очки в толстой оправе, которые подчеркивали её внимательный взгляд.

В тот день солнце палило нещадно, и женщина попросила дедушку об одном: чтобы он вынес ей стол и стул и поставил их под огромным орехом на перекрестке. Дерево раскинуло свои ветви, создавая густую, прохладную тень, такую желанную в этот знойный день. Дед, конечно же, не отказал. Он не только вынес мебель, но и, к всеобщему удивлению, принес бархатную скатерть нежно-голубого оттенка, украшенную золотыми кисточками в низу. На стол водрузили графин с водой и стакан.

«Ну, прямо как на собрании политбюро!» – пошутил кто-то, и все дружно рассмеялись.

А дедушка, тем временем, отправился вверх по улице, громко оповещая жителей о важном событии: «Внимание! Внимание! Пришла ветеринар!»

Мы, дети, окружили её сзади, затаив дыхание. Что же она собирается делать? Любопытство распирало нас. Она достала из сумки журнал, ловким движением раскрыла его на нужной странице и положила пишущую ручку прямо в середину разворота, чтобы та не укатилась. Затем появился флакончик с каким-то препаратом, который она поставила рядом с журналом, стеклянный шприц и маленькая синяя коробочка, похожая на те, в которых продают конфеты «Монпансье».

Она сидела, словно важная дама, ожидающая первых посетителей. В этот момент по улице сверху спустился дедушка, а за ним тянулась вереница людей с лохматыми питомцами на поводках. Дед махнул нам рукой, показывая, что пошел вниз, оповещать остальных.

А дети затаив дыхание, ожидали, когда же всё начнется! Мы с друзьями скромно стояли, позади неё, тихо переговариваясь. Обсуждали, когда пойдем купаться к морю, кому что купили из обновок. Вспоминали, кто какую новую кассету с мультиком приобрел, чтобы потом собраться в гости и посмотреть её на видеомагнитофоне.

Пока мы шептались, я заметила, как она записывала в журнал номер дома и кличку собаки. Получала деньги за укол, а хозяин расписывался в подтверждение. Затем она брала шприц и из коробочки доставала иглу надевала на него, и производила забор препарата из флакончика. Приближаясь к собаке, ветеринар говорила ласковым голосом, стараясь успокоить питомца. Некоторые собачки, предчувствуя укол, начинали скулить и пытались вырваться из рук хозяина. Другие же, более терпеливые, молча, сносили неприятную процедуру, лишь слегка вздрагивая, когда игла касалась кожи в районе ошейника.

Время тянулось медленно, и вот, подошли молодая женщина с мужчиной. Рядом с ними, на поводке, шествовал огромный лохматый пёс с блестящей черной шерстью. На морде у него был намордник. Когда ветеринар стала отодвигать ошейник и расправлять густую шерсть, чтобы освободить место для укола, в глаза бросились ужасные красные пятна. Они были запекшиеся, словно старые раны. Пёс тихо заскулил и дёрнулся, будто предчувствуя неладное. Хозяйка, заметно взволнованная, начала объяснять, что эти пятна появились после прошлой прививки, которую делала именно она в прошлый приход. Но врач, казалось, не обратила на

ее слова никакого внимания. Она даже глазом не моргнула, а просто взяла шприц и ввела иглу с новой инъекцией прямо рядом с этими кровоточащими ранами.

Когда они ушли, в воздухе повисла тревога. Все присутствующие были озабочены состоянием собаки и гадали, что же могло привести к такой проблеме. Я не могла оставаться в стороне и начала наблюдать за работой данного ветеринара более внимательно. То, что я увидела, повергло меня в шок. Она, сняв иглу, просто положила ее обратно в синюю коробочку из-под конфет! Окинув, её взглядом поняла, что на ней нет стерильных перчаток. Все манипуляции проводились прямо на улице, где хоть и редко, но проезжали машины, поднимая в воздух дорожную пыль, которая долетала до стола, за которым она работала.

В суете, где каждый занят своим горем или надеждой, никто не замечал странной детали. Врач в белом халате, вместо того, чтобы вскрывать стерильные упаковки с иглами прямо перед пациентами, доставала их из коробочки из-под конфет. Никто из взрослых, поглощённых своими переживаниями, не обращал на это внимания. Она же, спокойно и уверенно, проводила свои манипуляции, брала деньги и смотрела в глаза людям, словно ничего необычного не происходило. Эта жуткая обыденность, эта вопиющая халатность, оставалась незамеченной, скрытой за маской профессионализма и доверия. И в этой слепоте крылась настоящая опасность для всех.

Сестра легонько толкнула меня в бок и тихонько спросила, заметила ли я тоже, что и она. Я молча кивнула. В этот момент к нам подошёл дедушка и объявил, что всех обошёл и пора бы уже закругляться. Ветеринар, услышав это, заметно воодушевилась. Она вскочила со стула, быстро собрала свои вещи и направилась к нашему дому, чтобы привести себя в порядок. Мы пошли следом. Я несла графин и стакан, сестра – стул, а дед шёл впереди, таща стол. В голове у меня крутились грустные мысли после увиденного.

Но в нашем дворе развернулась жуткая сцена. Она, с непроницаемым лицом, предложила деду сделать Жучку укол, причем бесплатно. Мы с сестрой, как только услышали это, кинулись к ним, пытаясь остановить. Знали мы, что эта женщина не стесняется использовать одну и ту же иглу для всех окрестных собак. Её безразличие поражало. Она будто не слышала наших криков, отмахнувшись от нас, как от назойливых мух, заявив, что мы просто дети и всё преувеличиваем. В руках у неё уже был шприц, полный какой-то жидкости, а взгляд был прикован к Жучку, которого дед крепко держал, чтобы дать ей доступ к шее. Наши протесты, слёзы – все было напрасно. В мгновение ока она сделала укол и, словно ничего не произошло, направилась к выходу. В тот момент она для нас с сестрой казалась воплощением зла в белом халате. Я смотрела на деда с обидой, почему он не поверил нашим доводам и разрешил сделать это.

Уже позже осенью, когда сестра снова стала посещать школу, пришло письмо от бабушки. В нём она сообщила о смерти Жучка. Для меня причина была очевидна, и вопросов не возникло. Также в письме бабушка сообщала, что ни стало и Астры, комнатной собачки дяди Сени, жившего неподалёку и делавшего ту же прививку своей любимице.

Мне иногда страшно подумать о том, что некоторые люди, выбирая профессию, относятся к своим обязанностям халатно. А эта женщина, кажется, намеренно калечила и убивала домашних животных, которые были не просто питомцами, а членами семьи и друзьями для детей.

Глава 2

Дыхание зимы чувствовалось всё сильнее, а вместе с ней неумолимо приближался Новый год – время чудес и исполнения самых заветных желаний. В воздухе уже витала предпраздничная суета, и каждый из нас, начинал верить в сказку, надеясь, что все загаданное обязательно сбудется.

Как и каждый год, мама решила устроить настоящий пир на весь мир. За две недели до заветной даты начались масштабные закупки продуктов и напитков, которые постепенно заполняли всё свободное пространство в доме. Отец, взяв отпуск за неделю до праздника, превращался в главного помощника: он занимался украшением дома, развешивал гирлянды и помогал маме с подготовкой к приезду многочисленных гостей. В доме царил атмосфера радостного ожидания и предвкушения волшебства.

В один из морозных декабрьских дней отец принёс с рынка настоящую красавицу – пушистую ёлку, такую высокую, что она почти касалась потолка. Её хвоя была ярко-зелёной и пахла свежестью. Он бережно достал из кладовки коробку с ёлочными игрушками. Это были настоящие сокровища – стеклянные шары, фигурки зверюшек расписанные вручную. Отец внимательно осматривал каждую, прежде чем передать её мне или сестре в руки, чтобы убедиться, что на ней нет ни единого скола. Мы с трепетом принимали их и развешивали на ветках. Потом наступала очередь дождика и мишуры, которые начинали сверкать и переливаться в свете лампочек. На самую макушку, как и всегда, водружалась пятиконечная красная звезда – символ праздника и детства. И в самом конце, словно вишенка на торте, ёлка украшалась разноцветной гирляндой, которая оживляла её, заставляя сиять всеми цветами радуги. У нас с сестрой горели глаза от восторга. Эта лесная красавица, украшенная нашими руками, казалась самым прекрасным зрелищем на свете. Мы знали, что проснувшись утром, обнаружим под ней долгожданные подарки, о которых мечтали весь год. Предвкушение чуда наполняло наши сердца радостью и волнением.

В преддверии долгожданного торжества, 30 декабря, в доме царил особая атмосфера. Мама, словно дирижер оркестра, руководила подготовкой к празднику, и главным номером её программы был, конечно же, фирменный холодец. Задолго до рассвета начиналась священнодейственная закупка ингредиентов. Свиные лапки, уши, шея, а также нежное куриное филе – все это тщательно отбиралось, словно для королевского пира. Затем следовал ритуал очищения. Каждый кусочек мяса промывался и осматривался с особой тщательностью. После чего всё это богатство отправлялось в самую большую кастрюлю, которая только была в доме.

И вот, с первыми лучами солнца, кастрюля водружалась на плиту, и начиналось таинство томления. На самом медленном огне, бульон тихонько булькал, отдавая свой аромат всему дому. Так продолжалось целый день, до самого позднего вечера. Когда солнце уже давно скрылось за горизонтом, наступал самый ответственный момент – разборка. Кости отделялись от мяса и, с благодарностью, отправлялись на ужин верным четвероногим друзьям. А нежное, разваренное мясо, словно драгоценные камни, аккуратно раскладывалось по форменным тарелочкам, украшенным яркими овощами. Сверху все это великолепие заливалось прозрачным, наваристым бульоном. В таком виде, заготовки отправлялись на покой до самого утра, чтобы, застыв, превратиться в настоящий шедевр кулинарного искусства. А утром, уже готовый холодец, отправлялся в холодильник, дожидаясь своего звездного часа – появления на праздничном столе перед восхищёнными гостями.

В нашем доме всегда было шумно, гостей принимали часто, человек двадцать, а то и больше, собиралось за столом. Но после каждого такого застолья наступала расплата – горы грязной посуды. И вот тут начинался кошмар для моей старшей сестры. Мама почему-то счи-

тала, что именно она, в свои девять лет, должна все это перемыть, натереть до блеска и расставить по местам.

Я была младше на четыре года и, конечно, от этой участи была избавлена. А сестра... Она трудилась, как Золушка, над этими бесконечными тарелками и чашками. Праздники у нас были круглый год, и с каждым разом ненависть сестры к мытью посуды росла. Она буквально до трясушки не могла выносить вид грязной посуды. Бедная, она так уставала! Я помню, как она тихонько плакала, стоя у раковины, но продолжала мыть и мыть, пока всё не засияет чистотой.

Каждый год, за несколько дней до летнего праздника, моя сестра начинала свою странную подготовку. Она направлялась к клумбе, где пышно цвели пионы. Её взгляд выискивал бутоны, в которых копошились пчёлы. И вот тут начиналось самое странное. Она подходила к цветку и, несмотря на очевидную опасность, сжимала бутон так сильно, чтобы пчела ужалила её. Потом она разжимала руку, и насекомое, ошарашенное и злое, улетало.

Естественно, ладонь её тут же начинала опухать. О мытье посуды, горы которой неизбежно появлялись после праздничного застолья, не могло быть и речи, пока опухоль не спадёт.

Я помню, как это повторялось из года в год. Мать, конечно, ругала её, кричала, что она неуклюжая и слепая, раз не видит, что цветок с пчелой трогать нельзя. Но для сестры это был единственный способ избежать ненавистного мытья грязной и жирной посуды после праздника. Она была готова на всё, даже на болезненный укус пчелы, лишь бы не стоять у раковины с горой тарелок. В её глазах это была справедливая цена за свободу от кухонного рабства. Но в зимний период насекомых не было, и она максимально печалилась, ожидая участия в Новогоднюю ночь.

31 декабря всегда был какой-то безумный марафон. Суэта царила в каждом уголке дома, казалось, что пыль и беспорядок нарочно множились с каждой минутой. Убирать приходилось по несколько раз, и всё равно находилось что-то, что требовало немедленного внимания. К семи вечера все были вымотаны до предела, напряжение висело в воздухе, а усталость чувствовалась в каждой клеточке тела.

Примерно к восьми вечера начали приезжать первые гости. В основном это были коллеги отца и матери, с которыми они работали. За ними, словно по расписанию, подтягивались и все остальные, наполняя дом смехом, разговорами и предвкушением праздника. Помню, нам с сестрой дарили подарки целыми блоками. Это всегда были либо жвачки, либо шоколадки какого-нибудь популярного бренда. А еще часто дарили кукол, обязательно с кучей всяких аксессуаров. Сестра, правда, в куклы особо не играла. Ей больше нравились сладости, поэтому она с радостью отдавала мне свои кукольные богатства в обмен на шоколадки или жвачки. После подарков начиналось самое интересное. В доме становилось шумно, из магнитофона гремели хиты тех лет, и все начинали танцевать. К одиннадцати вечера градус веселья достигал своего пика, особенно после нескольких рюмок чего-нибудь горячительного.

Я до сих пор помню этот момент. Я, маленькая, стою у стола, на котором разложены всякие вкусности. Мой взгляд притягивает шоколадка, завернутая в шуршащую фольгу. Она уже не целая, а аккуратно поломана на дольки. Я тяну к ней руку, предвкушая сладкий вкус.

Но тут появляется тётя Лола, подруга моих родителей, всегда такая весёлая и энергичная. Она ловко перехватывает шоколадку прямо у меня из-под носа. Я немного расстраиваюсь, но она тут же успокаивает меня, берёт дольку и бросает её в бокал с шампанским.

«Любишь сладкое?» – спрашивает, она лукаво улыбаясь. «Тогда нужно всё выпить, чтобы добраться до сладкого шоколада!»

Я смотрю на бокал, на пузырьки, поднимающиеся с его дна, и на шоколадную дольку, которая опустилась на самый низ бокала. Это казалось таким забавным и немного волшебным. Тогда я ещё не понимала, что шампанское – это алкоголь! Мне было всего пять лет, и я, как и все дети в этом возрасте, обожала сладкое. Без задней мысли я схватила бокал у взрослого и сделала большой глоток. Ох, лучше бы я этого не делала! Алкоголь обжёг мне горло, вкус

был отвратительным, и мне моментально захотелось чем-то это запить. Я закашлялась, глаза наполнились слезами от неожиданности и неприятных ощущений.

Тётя Лола, увидев мою реакцию, звонко засмеялась. Ей, видимо, показалось это очень забавным. И, представляете, что сделала она, снова протянула мне бокал!

«Пей до дна, – сказала она, подмигивая, – ты же хочешь шоколадку?»

Я замотала головой, пытаюсь отстраниться, но она схватила меня за руку и резко протянула к себе. В нос снова ударил резкий запах спиртного, от которого меня затошнило. Я вырвалась, крикнула, что мне плохо и голова кружится, и что мне хочется спать. До Нового года оставалось всего полчаса. Еле добравшись до своей комнаты, я рухнула на кровать. Меня мутило, голова раскалывалась, а противный привкус алкоголя никак не проходил. Я закрыла глаза и провалилась в сон.

Анализируя сейчас прошлое. И чем больше я думаю о том эпизоде из детства, тем сильнее меня охватывает ужас. Я вспоминаю, как мне, совсем ребёнку, протянули бокал с алкоголем. Тогда это казалось забавным, игрой. Но сейчас я понимаю, насколько все могло обернуться трагедией. Отравление спиртным, рвота во сне... Маленький ребенок, беспомощный в своей кровати, мог просто захлебнуться.

Самое страшное, что вокруг было много взрослых. Они видели, что происходит, но никто не вмешался. Никто не остановил человека, предлагавшего мне алкоголь, не сделал замечания. Они просто молча, наблюдали. И среди этих наблюдателей были мои родители. Люди, которые должны были защитить меня, проявить бдительность и здравый смысл. Но они тоже молчали. Я не понимаю, как они могли допустить такое.

Спустя время, будучи взрослой, я спросила у мамы, как такое могло произойти? Её ответ стал для меня настоящим ударом. Она просто сказала, что я сама взяла бокал и сделала глоток. Она с легкостью переложила вину на пятилетнего ребёнка, полностью снимая с себя ответственность. Это повергло меня в шок. Если бы подобное случилось с моим ребёнком, я бы, честно говоря, не сдержалась. Я бы не только выгнала этого человека из своего дома с праздника, но и навсегда прекратила бы с ним любое общение. Для меня неприемлемо, чтобы кто-то так поступал с детьми.

В один из таких новогодних дней, когда родители особенно весело провели время с друзьями, случилось непредвиденное. Утром, я и моя сестра, полные предвкушения, побежали к ёлке в поисках заветных подарков. Но под нарядной красавицей было пусто. Разочарование было огромным, и ощущение праздника мгновенно улетучилось. Вера в Деда Мороза начала рушиться. Мы засыпали родителей вопросами, почему он забыл о нас? Взрослые, осознав свою оплошность, быстро достали подарки из шкафа и вручили нам. С того момента, ожидание чуда изменилось. В преддверии следующего Нового года, я с маниакальным упорством проверяла шкаф, в надежде найти спрятанные подарки. Ёлка больше не была центром внимания. Так, из-за невнимательности взрослых, ещё одно детское волшебство навсегда утратило свою силу.

Шло время, и наконец-то наставали они, долгожданные каникулы! Мы с сестрой, как птицы из клетки, вырвались на свободу и помчались к нашим любимым бабушке и дедушке. Предвкушая впереди целых три месяца летнего счастья, общения с друзьями и походами на море. В один из таких солнечных дней, когда воздух звенел от стрекота кузнечиков, я сидела с бабушкой под густым виноградным навесом. Она, как всегда, что-то увлеченно штопала, а я, предоставленная сама себе, играла с её сокровищами – разноцветными лоскутками ткани.

Ох, это был целый мир! Каждый лоскуток – отдельная история. Я перебирала их, наслаждаясь разными текстурами. Вот этот, шелковистый и нежный, словно облачко, скользит между пальцами. А этот, грубый и плотный, напоминает о старинных мешках с зерном. Можно было часами сортировать их по цвету, от нежно-розового до насыщенного бордового, или по типу ткани – ситец, лен, шерсть. Каждое прикосновение дарило новые ощущения, новые

открытия. Это было так увлекательно, так захватывающе! В этих маленьких кусочках ткани заключалась целая вселенная, которую я с удовольствием исследовала.

Во двор к нам зашёл старый знакомый дедушки. Все в округе звали его Дядь Вася Глухой. Когда-то, ещё в молодости, он потерял слух на оба уха. Чтобы до него докричаться, нужно было постараться – орать во всю глотку. Зато, когда он, наконец, понимал, что от него хотят, кивал в ответ и сразу переходил к делу, без лишних слов.

Он подошёл к нам, поздоровался и с любопытством взглянул на то, чем мы занимались. Завязался разговор: он посетовал на погоду, поделился новостями об урожае. Потом, немного поколебавшись, попросил меня позвать дедушку. Я встала из-за стола и отправилась в дальний огород, что раскинулся за домом, и сообщила деду, что к нему пришёл гость его давний знакомый. Дед, не откладывая, пошёл перекрывать подачу технической воды в огород, затем тщательно вымыл руки, вышел к нам.

Гость тепло поздоровался с ним. Они вместе перекурили, обмениваясь какими-то новостями и, судя по всему, вспоминали старые времена. Вдруг внимание деда привлёк предмет в руках дядь Васи. Всё это время тот сжимал в ладони какой-то серый, плотно сшитый мешочек, туго перетянутый посередине белой веревочкой.

«Что там у тебя?» – прокричал дед прямо в ухо товарищу, рукою указывая на мешок.

Василий как-то смутился, словно не хотел отвечать, и уж тем более показывать содержимое. Но дед-то знал, что он никогда не приходил с пустыми руками просто так.

Наконец, Василий решился. Поставил мешочек на стол и медленно, с какой-то торжественностью, начал развязывать шнурок. Когда веревочка была отложена в сторону, а края мешка опустились, все увидели причину его волнения. Внутри теснились пять крошечных утят, маленькие комочки с темными спинками и ярко-желтыми грудками. Они, словно по команде, жадно вдохнули свежий воздух, которого были лишены некоторое время.

Дедушка прищурился, глядя на мешок в руках дяди Васи, «Куда это ты их вообще потащил? Не базарный же день сегодня, чтоб продавать!» На что Дядя Вася как-то замаялся, словно и не знал, что ответить.

А я не могла отвести глаз от утят, казалось, что они чувствовали моё внимание. Я протянула руку, и они тут же потянулись, ко мне тихонько крякая. В этот момент дядя Вася резко дернул мешочек вверх, схватил шнурок, чтобы снова его завязать. Утята встревожено закрякали, а я не выдержала и громко закричала: «Нет, не надо завязывать!»

Я повернулась к бабушке, умоляюще глядя ей в глаза, сказала: «Бабушка, они же не переживут обратную дорогу! Там совсем нет воздуха, они задохнутся! Давай их оставим у нас!»

Она встала и молча пошла в сторону дома. Вернулась через пару минут, держа в руке купюру, на которой нулей было, казалось, больше, чем звёзд на небе. Она посмотрела на меня и с хитрой улыбкой спросила: «Утята или мороженое?»

Вопрос, если честно, в моей голове даже не стоял, поэтому, как бы я ни любила мороженое, спасти пять маленьких жизней в тот момент, казалось, мне самым важным.

«Утята!» – выпалила я, не раздумывая.

Бабушка протянула купюру дядь Васе, и тот, расплывшись в огромной улыбке, принял её с радостью и стал быстро собираться уходить, больше ему делать было у нас нечего.

Тем временем дедушка принёс большую картонную коробку, и мы бережно пересадили туда маленьких утят. Они были такие крошечные и пушистые! Я побежала на кухню за мисочкой с водой. Когда вернулась, они уже сбились в кучку, испуганно пища. Я поставила мисочку рядом, и они, словно по команде, бросились к ней и с такой жадностью стали пить, что я поняла, как долго они просидели в этом тесном мешке. Я не знала, сколько времени они провели в этом «плёну», но точно было одно: здесь, в нашей коробке, им больше ничего не угрожает. Они теперь в полной безопасности.

С этим человеком связан ещё один случай.

Однажды дедушка вернулся очень взволнованный домой. Мы с бабушкой стали его спрашивать, что случилось. Он рассказал, что был у дядь Васи Глухого, у которого очень большое хозяйство, но все животные при этом голодают. Василий, из-за своей глухоты, не понимает, когда их нужно кормить и что они зовут его. Мы с ней переглянулись. А дед сказал, что сейчас соберёт скошенную траву за домом и отнесёт её кроликам и козе. Я вызвалась помочь, сказав, что тоже могу принести охапку для животных.

Его дом располагался совсем рядом, буквально в пяти минутах неспешной прогулки. Поэтому, когда мы оказались у него во дворе, я даже не почувствовала усталости. Первое, что бросилось в глаза – множество клеток, в которых обитали самые разные животные: пушистые кролики, куры, и даже декоративные голуби.

Дедушка направился к загону с козой и, бросив охапку сена к своим ногам, повернулся к своему глуховатому приятелю. Громким голосом, стараясь перекрыть шум двора, он спросил: «Когда я уходил, она была совсем тощая! Как так получилось, что сейчас она стоит у тебя, как бочка?»

В ответ дядя Вася, давясь от смеха, начал рассказывать, как решил «накормить» козу. Он, по его словам, взял шланг с технической водой, засунул его козе в горло и включил воду на полную мощность. При этом его заливиственный смех звучал так, словно он совершил нечто невероятно остроумное. Мы с ошеломлёнными лицами посмотрели на козу. Она стояла, дрожа всем телом, а её бока неестественно выпирали. Дедушка, до этого молча наблюдавший за происходящим, произнёс твердо ему в ухо: «Она здохнет у тебя от таких издевательств». Заливиственный смех Василия внезапно оборвался, словно кто-то выключил звук. Затем дедушка кивнул мне, давая понять, что нам пора уходить.

Обратно мы шли в полной тишине. Каждый, наверное, переваривал увиденное по-своему. Я же думала о том, что лучше совсем не заводить животных, чем так мучить их, забывая кормить и не заботясь о них должным образом. Такое отношение – это не любовь, а жестокость.

Тем временем, наш двор осиротел без сторожевого пса. Пустая будка, одиноко лежащий рядом ошейник – картина, от которой щемило сердце. Дедушка не мог больше на это смотреть и вскоре загорелся идеей найти нового питомца. Через какое-то время знакомые подсказали, что в одной деревне есть подходящий пёс. Правда, предупредили, что характер у него не сахар – агрессивный и дерзкий. Но дедушку это не испугало, он только ухмыльнулся на это заявление.

И в один прекрасный день, погрузил всю семью в машину, и мы помчались за новым лохматым другом. Дорога предстояла неблизкая, ехали мы больше часа в одну сторону, благо погода была ни жаркая и дискомфорта не чувствовалось.

Мы подъехали к дому, где нас ждал новый член семьи. Дедушка вышел из машины и направился к воротам, неся в руках сумку. Мы с бабушкой и сестрой затаили дыхание, наблюдая за происходящим из салона. Громкий лай, доносившийся из двора, резал слух. Вся сцена напоминала кадры из старого шпионского кино.

Вскоре в воротах появился хозяин, крепко держа на цепи крупного пса. Животное яростно рвалось, лаяло на нашего деда и, казалось, готово было наброситься в любую секунду. С трудом хозяин довёл пса до багажника и быстро закинул его внутрь и захлопнул дверцу. Пёс продолжал неистово лаять и рычать, выражая свой протест уже сидя внутри багажника. После короткого рукопожатия с хозяином пса дедушка вернулся в машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.